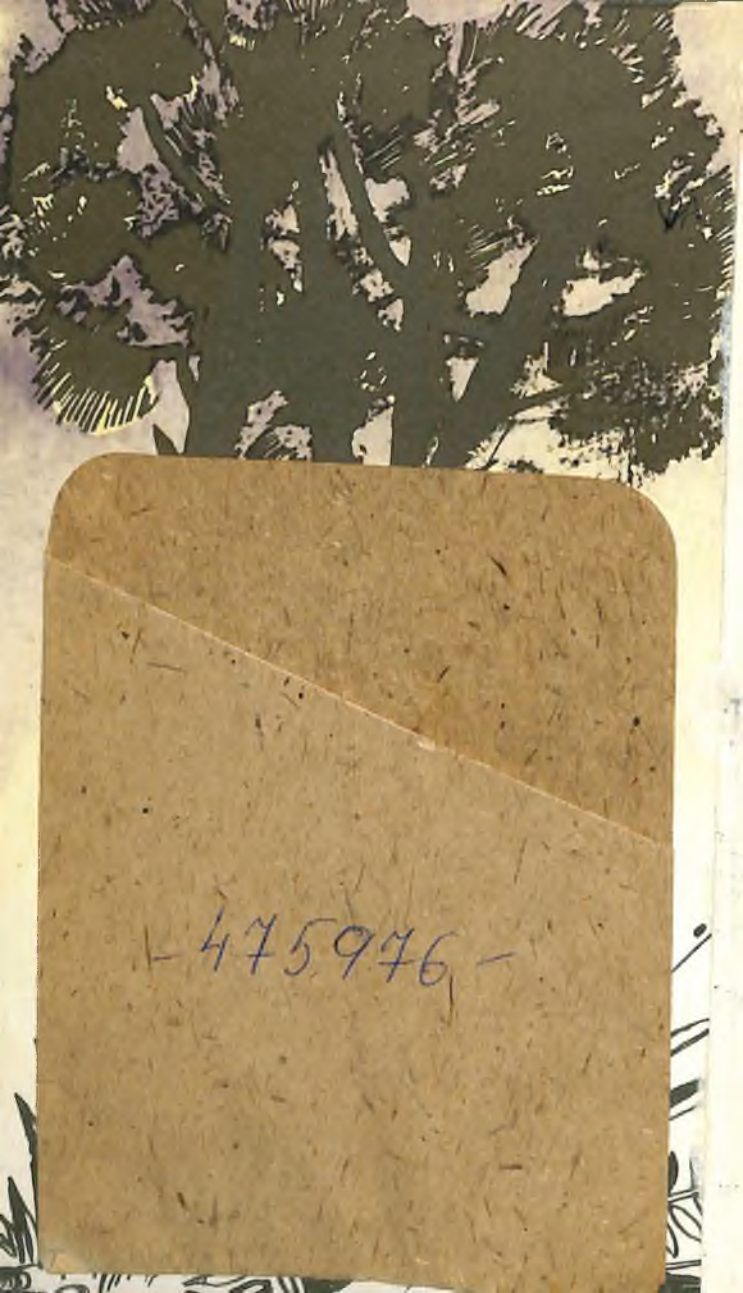

84/2=632.1/6
C 179

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТИ •

Паслей Самык
ВЕТЕР ВЕРШИН

- 475976 -

НОВИНКИ · СОВРЕМЕННОСТИ ·

Паслей Самык

ВЕТЕР ВЕРШИН

Стихи

(Перевод с алтайского)

23

МОСКВА
«СОВРЕМЕНИК»
1987

84/2=632.1/6-5

84Сн67

С17 9

Рецензент Г. Фролов

0475976 ✓ V

Горно-Алтайская областная
библиотека
им. М.И. Калпанина

Паслей Самык

- С17 Ветер вершин: Стихи/Пер. с алт.
Т. Глушковой и др. — М.: Современник,
1987. — 95 с. — (Новинки «Современ-
ника»).

Алтайский поэт Паслей Самык—автор десяти книг на родном языке и двух на русском. Немало он пишет об истории своего народа, в своем восприятии связывая прошлое и настоящее. Лучшие стихи поэта отличаются оригинальное мышление, экспрессия. В книгу включены стихи П. Самыка в переводах Татьяны Глушковой, Ра-
вилья Бухараева и других поэтов.

С 4702070000 — 212 263 — 87
М106(03) — 87

ББК84Сн67

© Издательство «Современник», 1987.

5-СП-ВВ

Каспá — родное селение

Там, за горами, далеко-далёко,
В селе алтайском,
Средь лесов крылатых,
В дыму черемух белых
Опустелый
Я вижу дом
И юрту, как шалаш...
За ними, за бугром,
Под белым камнем
Лежит отец,
И тихую могилу
Привычно перешагивают овцы,
Пасутся мирно, точно облачка
Белея над могильным теплым камнем...
Мать и сестренка в доме:
Только двое
Осталось от разметанной семьи...

Какой простор! На склон горы взбираясь,
Родимое селенье высью дышит.
А дальше, за долиною Катунь,
Чемáл вздымает снежные вершины,
Белеют три Сумэра, величавой,
Бессмертной думой озарив чело...

Средь этих гор могучих, исполинских
Вершин — мое село, моя отчизна,
Каспá моя заветная лежит.
Здесь каждый дом мне мил,
И каждый житель —
Мне родственник, брат сердца моего.
Вот где моя
Незыблемая крепость,
И колыбель,
И сил моих источник.
И стоит возвратиться мне сюда,
Мой дух опять привольно воспаряет,
Как в юности, ликует и летит.
А лишь заговорю со старожилом
Мест этих отчих,
Мысль моя смелеет,
Светлеет взор, и вновь дорога жизни
Передо мной не слишком тяжела.

Песне подобная родина

Что ж тут поделать,
Печальное сердце:
Больше всего
Эту землю люблю.

Где дребезжащее блеянье стада —
Как перезвон
Между склонами гор...

Где ледники голубеют под небом,
Горы, как стражи пространства, стоят...

Люди мне здешние —
Всех ненаглядней,
Эти потомки
Забытых племен,
Мчавшихся вихрем по свету,
Ушедших
За голубой небосклон.
Эти потомки
Иль даже обломки
Древних племен
Баснословных времен...

Что же мне делать,
Упрямое сердце:
Словно бы дерево,
В почву я врос.
Точно бы камень,
Впрессован веками
В гору,

Горами
Для гор
Я рожден.

Если земля эта счастлива, —
Счастлив;
Если страдает, —
Страдаю и я.
Если удача мне светит, —
Восходит
И над землей моей
В небе звезда.

Здесь мои корни,
Побеги и лес мой,
Здесь выросли
Все мои песни,
Здесь, на печальной,
Иссохшей земле,
Песне подобной
Земле....

Молодому другу

Мы родились в провинции глубокой.
Столица за горами чуть видна.
И вот смотрю я «узко», «однобоко»:
Привык я знать,
Что родина — одна.

Тебя прельщает дальняя дорога,
В твоих мечтах — большие города.
А тут не город — горстка улиц,
кроха,
И ты в пространстве, точно сирота,
Затерян... А бывает: ни квартиры,
Ни дров... Какой уж тут тебе уют!
И ты тоскуешь об огромном мире:
Вот где — ты мнишь — и мыслят, и живут!

И кажется, что труд твой и не нужен,
Что люд суров в твоей родной глуши.
А все же, пояс затянув потуже,
Ты не сдавайся! Жизнь свою — пиши!

Тебя ни холод не убьет, ни голод,
Ни пустобрех чиновник-бюрократ,
Когда поймешь: ты счастлив, ибо молод,
А молодости, право, черт не брат!

И ты поверь, что родина сторицей
Тебе за верность гордую воздаст.
И обернется глушь твоя столицей,
Когда и впрямь на подвиг ты горазд.

На подвиг той невидимой работы,
Какой у нас, ты знаешь, — через край!
Не нужно ей сусальной позолоты...
Так смейся, друг, сражайся, побеждай!

Вопросы летней ночью

Неспешно летней ночью средь хлебов
Я ехал, — и пылающий костер
За темными плечами дальних гор
Увидел: то огромная зарница
Полнеба осветила, чтобы скрыться,
Тотчас угаснув за чредой хребтов.
И снова — сполох над волной хлебов,
И свет, растущий от земли до неба,
Как парус над глубоким морем хлеба...

То огонь души великих хлебодаров
Пылал беззвучным розовым пожаром
Одно мгновенье! — и спешил во тьму,
Задав задачу сердцу и уму.

Как теплый бархат, струи этой ночи,
Вселенная, окутанная тайной,
В дремоте, беглый свет, как знак случайный,
Нам шлет... Судьбу безмерную пророчит?..
И вновь завеса душевной летней ночи...

Крыла каких драконов или птиц —
Вот эти вспышки, выплески зарниц?
С каких светил, неведомых планет
К нам натекает
Этот плавный свет?
Какая высь, немыслимая даль
Струит свою заветную печаль,
Сигналия заревом ночной земле
О красоте, томящейся во мгле?

Иль это звезды? Длинных их ресниц
Внезапный взмах?.. И флагами зарниц
Они, мигая, намекают нам
На то, что не вместить земным сердцам?..

Вот сорвалась
Отцветшая звезда
И покатилась,
И летит сюда...
Но нет! — скользнула в бездну мироздания,
На дно его, какому нет названья...

А здесь — такая ночь и тишина!
И, мнится, я один во всей Вселенной...
И кажется, душа моя больна.
О чем она скорбит: об этой пленной,
Таинственной, далекой красоте?
О падающей на поле звезде?
Об алых крыльях безголосых птиц? —
Над хлебным полем в сполохах зарниц
Безлунной ночью?..

Красная площадь

На Красной площади по вечерам
Так ощутима крутизна планеты,
Пространства кривизна...

Открытый всем ветрам,
Стоишь в лучах космического света
Близ Мавзолея...

К звездам в небесах
Возносятся здесь башенные звезды,
Огонь их теплый —
Как огни в домах;
Рубин, сочась,
подсвечивает воздух.

И чувствуешь:
Душа твоя легка,
А дума —
Бескорыстно высока...

И отзываются в твоей груди
Отчизны необъятной
Грады, веси...
Весь путь ее,
Лежащий позади,
Грядущие
Эпические песни...

На Красной площади по вечерам
Такой нагорной свежестью ты дышишь.
И видишь вдруг
Не очаги,
Не крыши,
А всей Вселенной
Лучезарный храм.

Ленинград. Марсово поле

Весна... Но ветви го́лы и черны́,
И капли талые в сырой сугроб стекают,
А дети в парке все еще играют
В снежки, зиме по-прежнему верны...

Вблизи суровой каменной стены
Стою, молчу в торжественной печали, —
Приехавший сюда из дальней дали,
Чтоб поклониться неврским берегам.
А над стеной колышутся туманы,
И ледяная влага непрестанно,
Как струйки слез, стекает по камням.
Гляжу на пламя Вечного огня —
Он, словно шелк, среди камней взлетает;
Идут года — оно не иссякает,
Горит, как факел завтрашнего дня.
Ударятся в подножье этих стен
Времен грядущих пенистые волны,
Но эти камни столько славы помнят,
Что им не страшен ветер перемен.
Строга, сурова летопись камней:
Смертельные бои в ней отразились,
И так ее скрижали наклонились,
Чтоб бронза слов была еще видней...

Рожденный в недрах неврской черноты,
Здесь гулкий ветер пролетает низко,
Огонь трепещет возле обелиска,
Качаются измокшие кусты.

Спокойно спят под Вечною стеной
Те, чьи сердца и в гибели сияют:
Они костры свободы зажигают,
Зовут народы на священный бой...

Нет сил уйти от Вечного огня.
Иль это моря близкое дыханье,
Иль бронза слов струит свое сиянье
Мне в сердце, — но сегодня счастлив я.

Исхлестан острым ветром Ленинград.
Сырая ночь. И хмурый снегопад.
И, тягостно скрипя, деревья гнутся...
Но в непогоду звонче во сто крат
Я слышу песнопенье революции.

У пламени высокого стою.
Себя в былом,
В грядущем узнаю.

Баллада о ветре

(Из цикла „Песни о Баку“)

Ты ночью в мое постучался окно,
И я отворил тебе двери балкона,
Ты, Каспия ветер, сын грозного моря,
Друг чаек, ревнитель стремительных волн.

Входи. Побеседуем.
О кораблях,
Их тайных мечтаньях,
Когда на рассвете,
Под взмахи и посвист
Попутного ветра,
Уходят они в вечно новую
даль.

Давай разгадаем,
О чем в темноте
Беседуют молча
два бакена в море:
О долге, разлуках,
Содружестве в море,
Отваге людей
от земли вдалеке.

Знавал я такого, как ты,
на Алтае
Бродягу, веселого гостя ночного.
Ко мне он спускался
со снежных вершин.

Он запахом кедра мне в комнату веял,
Он с пастбища запах костра доносил,

Дух шубы чабанской, отцовой, овчинной,
Дыханье сторожкого, верного пса
И рыси, что ночью крадется к отаре,
И пороха запах — дымок из ружья
Охотника-брата...

И вот ты приветно
Взъерошил мне волосы, бегло погладил
Мне голову — и неумное сердце
Насытил такими вестями, что петь мне
Всю жизнь — и не хватит всей жизни моей,
Чтоб песней поведать;

как любишь ты Каспий,
Как ночью прекрасен твой город Баку;
О звездах, горящих над морем бессонным,
О сердце мятежном, привольном, влюбленном,
О свете небес
И огней на борту...

Мне шарф подарил ты—
Бакинского ветра,
Приморского ветра
Тугую струю...
И дальше умчался
Гулять на просторе:
Ведь в комнате нечего
Делать ветрам!

Спасибо тебе за подарок!
Отныне
Я с шарфом бакинского ветра ночного,
Соленым и свежим,
По белому свету
Иду, окликая пространство и время,
И душу мне греет
Тот ласковый шарф.

Прощание с Баку

Я уеду...
И останусь.
Как на волнах блик веселый
В вечном Каспия блистанье.
Как в заливе
Блик печальный
У Приморского бульвара.

Я уеду...
И останусь.
Словно перышко от чайки,
Что кружит над спящим морем.
В криках чаек
Я останусь,
В белоснежном их паренье
Над сияющим лиманом.

Я уеду...
И останусь.
Невидимкою полночной
Лунным берегом бакинским
Тихо я пройду один
Меж мерцающих витрин.

С грустью светлой
Выйду к молу,
Устремлюсь я взглядом
К морю,
Буду с ним наедине.
Море — это тоже горы.
И средь волн окаменевших
Я, уехавший,
Останусь.

* * *

Я был тогда
Еще ребенком малым.
Мы с матерью
На берегу Катунь
Стояли и увидели: к верховью
Летят три гуся низко над водою.
И вдруг один, взмахнув крылом, перо
Белейшее
сронил,
И, покружившись,
Оно передо мною опустилось.

И вот теперь
Мы снова на Катунь:
Я с матерью, совсем белоголовой,
И рядом сын мой,
Маленький,
Дитя...

Я белое перо —
Гусей подарок —
Теперь макаю в красные чернила,
О жизни
Кровью сердца повествуя,
Как было мне
Судьбою суждено.

Горно-Алтайская областная
библиотека
им. М. П. Калинина

Страна Алтайстан

Есть страна Алтайстан, где лучисто звенят
Родники голубые в горах.

Есть страна Алтайстан, где под солнцем горят,
Словно в сказке, цветы на лугах.

Вверх посмотришь, а там темно-синий простор
Шелк небес над землею простер,

А посмотришь вокруг — как сияет средь гор
Тихих пастбищ зеленый ковер!

Слит с телом Алтая

Своими венами
Соединен я с реками Алтая.
Главная артерия — Катунь —
С грохотом катит
Упругие волны
Сквозь мое сердце.

Мой позвоночник сращен
С хребтами Алтая.
Родную природу
И весь мой народ
Я ощущаю в себе.
Озерами Алтая
Вглядываюсь по ночам в мирозданье,
И оно отражается в моих глазах.

С голубых ледников
Я ловлю жадным слухом
Трепетный шепот Вселенной.

Вместе с алтайцами,
Что говорят на древнем языке,
Обожествляют солнце, огонь и природу,
Поминая ушедших, приветствуя уходящих,
Я устремлен
В клубящуюся глубь времен,
Сквозь которую, по вере отцов,
После всех испытаний и жертв
Вижу царство Света.

Всеми жилами, плотью и костью,
Всею кровью, что в венах гудит,
Я с народом родным
И родною землей
Неразрывно, таинственно слит.
Мы — единое тело
Навечно.

Слушая Курмангазы...

Кони, кони, кони мчатся,
хрипы, ржанье, едкий пот,
спины крепкие лоснятся.
Степь кипчакская поет.
Ковыли ковром ложатся.

Топот, топот, топот, топот...
Это песнь Курмангазы.
Это мук сердечных шепот,
и орлиный жадный клескот,
и предвестие грозы.

Даль кипчакская без края —
как мечта, как жизнь сама...
Всю вселенную сминая,
злою вольностью полна
встала табора волна.

А заря на горизонте
полыхает все сильнее...
Отражают отблеск красный
спины мокрые коней.

Ждет батыров бой кровавый,
только им неведом страх,
поднялись не ради славы:
имя чье-то на устах, —
имя родины любимой,
в сердце трепетно хранимой, —
да прославится в веках!

И столетье за столетьем
исчезало словно дым...
Сказ звучал над степью вечно.
Над простором ветровым.
В столах дѡмбы — страсти битвы
и страдания людей,
и бессилие молитвы,
ржанье яростных коней.

Может быть, от этой песни
ноет сердце у меня;
вижу, как батыр безвестный
горячит в бою коня.

Вижу тот поход последний
так, как видели века —
воскрешает жизнь кочевий
звуков бурная река...

Топот, топот, топот, топот,
сердца раненого стон,
мук его бессильный ропот,
звон струны и битвы звон...

Древние тюрки

Козни сплетая,
на земли Алтая
недруги зарятся снова.

Гневный взор мой,
в глубины веков проникая,
видит блики былого:

свод небес —
древнетюркская юрта,
приют голубой и огромный.

Золотая стрела богатырского лука
устремляется к солнцу
с тетивы напряженной.

Вновь император¹ свирепый
на тюрков полки направляет,
кичась своей мощью и силой,
кровавый погром затеяв,
вещает Алтаю
шипением Великого Змея:

— Богат этот горный кров.
Горд тюрков свободный конь.
Гордому роду — кровь!
Юрте Алтая — огонь!

¹ Имеются в виду завоевательные войны императоров древнего китайского царства Цинь, которые не раз нападали на алтайцев. Великий Змей — символ царства.

О, сердце в груди!
Я вижу:
волк со знамени тюрков
бежит впереди!
Мудрый Бильге-каган
встревожен за свой народ.
Воинственный Кюль-тегин,
сжав зубы, глядит вперед...

А позади — мой Алтай,
как шлем богатырский,
крут...

А по морщинам гор,
как думы,
тучи бегут...

...Теперь мы не только тюрки,
не тот
одинокий и горестный род!
Народы слились, словно реки,
в один
единый и гордый народ!

Чисты наши мысли,
как скалы Алтая, чисты!
Могучее войско —
лишь страж пограничной черты.
Но вольнолюбивые предки
глазами потомков глядят.
Погибшие предки
гнев жертв вложили в мой взгляд.
С какой стороны б ни грозили,
кичась, моей вечной стране,
кровь тюрков бурлит,
память древнего подвига
будит
во мне!

Родные нагорья

В просторе нагорий,
вдали от житейских разладов,
валами зелеными
к солнцу вздымается лес...
Там светятся
белые кисти
немых водопадов,
свисая со скал,
подпирающих полог небес...

Туда!
Искупаться в пылающем солнце,
одеться
прозрачной прохладой,
сняющей свежестью гор,
чтоб снова
грохочущей речью
потряс мое сердце
язык летних гроз,
чтобы вновь прояснился мой взор!

Пусть душу омоет
слепящее по́лымя света —
себя без остатка отдам
озаренным горам:
подставляю ладони
аржанам¹ алтайского лета,
подставляю лицо
обжигающим светлым ветрам!

¹ Аржан — родник.

С травинкой и камнем
незримую связь обретая,
почувствую вновь
в неделимой природе огня,
как тело мое
превращается в тело Алтая,
как солнце и ветер
вливаются силой в меня!

Стеклянные ливни,
звения,
соскользнут с небосвода;
улыбкою солнце блеснет,
засверкает зенит...
Священной водой
окропит мое сердце природа,
внезапная мудрость
раздумья мои озарит.

Тогда —
долгожданный венец моего воскресенья
мне встретятся люди —
родные мне жители гор...
Естественный, словно река,
небеса и растения,
я с ними о многом тогда
заведу разговор...

С восторгом, с печалью
одно человеческое слово
вернет меня в жизнь
в сокровенной ее тишине...
Душа успокоится,
дух распрямится, и снова
былое бесстрашие
надолго вернется ко мне.

Родство наше кровно, о люди,
и в счастье, и в горе.
Я снова живу,
словно сбросивши тягостный груз...
Теперь, исцеленный
целительным солнцем нагорий,
как бурный и свежий поток,
я в долину
ворвусь!

Алтайская ночь

Серебряный звон в тишине
над снежными гребнями гор
не мешает луне
с вершиной
вести разговор...

Серебряный звон в небесах...
О чем в далеких лесах
шепчут ветра кедрачу?

А по горам
над долинами,
моргая ресницами длинными,
маралы идут к ручью.

Голос бессонных рек
звучен в ночной тиши.
Тихо поет человек
песню своей души.
Видно, молчать невмочь.
К звездам стремится взор.

Серебрянозвонная ночь
над белыми кряжами гор.

Жить!

Гореть так гореть —
пусть пламя до Солнца
взметнется!

Звенеть так звенеть —
пусть песнь в небесах
отдается!

Любить так любить —
пусть вечно сердце
забьется!

Прожить так прожить —
пусть жизнь через край перельется!

И бить так уж бить,
за правду расходуя силы;
не быть — так не быть,
не нить у разверстой могилы;
на белом на свете
хранить до немого предела
лишь ценности эти —
любовь и любимое дело!

Заветное желание

Выехать бы мне на аргамаче,
да с запасом в полном арчимаче,
да проехать на лихом коне
по алтайской горной стороне!

Истомясь душой от тесноты,
со скалы глядел бы, как с небес,
как уходят
горные хребты,
на горбах уносят
древний лес...

Созерцая неприступность гор,
стал бы вновь
неукротимым взор...

Темный ельник мимо прошагал,
а навстречу,
убегая ввысь,
мимо мхом обросших синих скал
реки белопенно вознеслись!

Неумолчный рокот буйных рек
счастье насулил бы мне
навек...

Лунным светом ярко осиян,
спит Алтай,
и ночь белым-бела...

Я
к цветам распластанных полян
низко наклонялся бы с седла...

Средь теней
касался бы слегка
я ресниц пушистого цветка...

И провел бы долгие часы
я под кедром,
звонким от росы:
всел бы, серебристо зазвенев,
мой топшур¹ щемящий свой напев...

Вечным сном охваченная мгла
вспомнила бы клскоты орла,
и сказанья,
полные мечты,
вспомнили бы снежные хребты...

¹ Топшур — музыкальный инструмент.

Вольная птица любви

Бери мое сердце —
Раскрыта ладонь.
Дарю тебе этот
Заветный огонь.

Лишь сердцем, быть может,
Тебя я достоин.
Лишь сердцем. Оно —
Мой единственный воин.

Лишь сердцем увидел
Я лик красоты:
Твои дорогие
Черты.

В тебе
Человека небесную сущность
Открыл я,
А думал,
Что это —
В грядущем...

И сам я с тобою
Не знаю бессилья.
Гляди: серебрятся
В ночи мои крылья.
По лунной дороге,
Седому лучу,
Мне кажется,
В небо
Лечу...

Ты царствуешь в сердце моем,
Но не рабской
Да будет любовь,
А с повадкою царской.

И щедрой, и вольной.
Такая природа
Любви,
Что закон ей,
Как птице, —
Свобода!

Бери мое сердце.
Раскрыта ладонь.
На вольном ветру
Полыхает огонь.

Бери мое сердце.
Бери.
В ответ ничего
Не дари.

Дети гор на улицах города

Мне радостно, весело видеть.
Как дети алтайских аилов
Проходят по улицам шумным.
Их щеки горят на морозе,
Как летних пионов бутоны.
Они собираются в стайки
И звонко о чем-то щебечут.
Глаза их, тела и движенья
Пронизаны ветром предгорий,
Дыханием пастбищ весенних.
Журчанье ручьев родниковых
В их разноголосице слышу.
Их волосы ливнем внезапным
Омыты на сенокосах,
В лесах, на полянах цветущих.
И молнии их озаряли,
И грозы над ними гремели,
Когда, ухватившись за гриву,
Они на конях пролетали
По солнечным пастбищам горным.

Таежные тайны Алтая
В сердцах их живут от рожденья;
И тишь белоснежных нагорий
Смородинки черных глазенок
Любовью наполнила к людям.

Сыну Эркину — заветное слово

Сынок Эркин, веселый, черноглазый,
козленок тонконогий, шустрик мой,
мне, твоему отцу, ужасно надо,
чтоб счастлив был ты, весел и здоров,
чтоб гордым был ты и не знал печали,
моя надежда, зернышко мое.

Хочу я, чтобы ты любил Отчизну,
ее нерасторжимой частью был
и разделял всегда судьбу народа —
его неотторжимой частью был.

Пускай тебя минует лихолетье,
но знай, беда людей — твоя беда,
и мне, отцу, отрадно будет видеть,
что людям беспредельно предан ты,
что ощутил себя пылинкой мирозданья
и слился со вселенной всей.
Настанет время, верю, слитность эту
ты ощутишь — с природой и людьми.

Тебя счастливым и достойным вижу.

Ответ на жалобу

Нас, говорит он,
держат в черном теле,
ввысь не пускают
среди бела дня!

Но кто же
виноват на самом деле?
Безделье наше,
наша болтовня!

Счет предъявляй
пустому самомнению.
Суть
нелицеприятна и проста:
мы одержимы
азиатской ленью,
а что еще нас держит?
Ни черта!

Памяти Василия Шукшина

С давних пор в Сростках люди похожи
на скуластых моих азиат,
и у них, как алтайцам положено,
чуть раскосый с прищуринкой взгляд.

Прежде здесь кумандинцы жилали,
а теперь здесь их вроде бы нет:
что деревню они основали, —
подтверждает немало примет.

Паренек вырос в Сростках вихрастый,
сын России, мне названный брат...
Ох, калинушка, ягода красная,
ты горька, кто же в том виноват...

Есть закон у природы всесильной
(убеждать никого не берусь) —
в человеке, подобном Василию,
слита с Азией древняя Русь.

Песни в сердце рождались прекрасном —
жизнь не так-то проста и легка...
Ох, калинушка, ягода красная,
ты, как горе людское, горька.

Зажелтел склон горы облепихою,
голубая река воды мчит,
по-над нею вдовой горькой, тихою
одинокю калина стоит.

Вот такие уж тут печки-лавочки...
Ты сгорел. Ты безвременно пал.
Вот такие уж тут печки-лавочки.
Я с калиной тебя провожал.

А хотел всякий житель наш местный,
чтоб вернулся на родину ты:
не за то, что писатель известный,
а за то, что большой доброты.

Катит воды Катунь голубая —
к океану — вперед и вперед.
Суждена, знать, ей доля такая,
и ничто ее вспять не вернет.

У тебя был, Василий Макарович, —
по упорству реке ты под стать, —
замечательный русский обычай
людям сердце свое отдавать.

Осень. Ягода тут созревает,
суетится при деле народ...
Облепиха совсем золотая...
А калинушка кровь льет и льет.

Там, вдали, где-то кони заржали,
в ржанье этом мне слышится плач,
столько в нем человеческой печали...

Затянул песню грустный кедрач.

В тот день мы хоронили Шукшина.
 Москва,
 Притихший Дом актера.
 Здесь, в жесткой гробовой постели,
 В тяжелых сапогах своих кирзовых,
 Шукшин, казалось многим, мирно спал.
 «Калины красной» музыка звучала
 Чуть слышно.
 А казалось, что — кричала.
 С калиной трудно было в том году.
 Мы только в Ботаническом саду
 Букет калины красной раздобыли.
 Ботаники убиты горем были,
 Переживая общую беду
 И как бы нашу общую вину.
 Мы и сказать всего-то им успели:
 «Букет. Калины красной. Шукшину».
 «Калины красной» музыка звучала.
 Она через сердца и сквозь глаза
 Широкой, полноводною Катунью
 Текла туда, на родину его.
 В последний раз на друга своего —
 Василия Макаровича — глянуть
 Входили люди в тихий зал.
 Потерян и убит, Белов Василий
 Мне вдруг осевшим голосом сказал:
 «А мы тут с Васей к матери моей хотели.
 Сейчас бы вместе в поезде сидели...»

...Наш дорогой, все дальше ты уходишь
 От нас.

Но не уходишь ты, аходишь
Все неизбежной, все надежной в нас.
Мы вспомним и подумаем не раз,
Что это ты нас замечать учил
Великое, казалось бы, в обычном.
В невзрачном, бытовом и прозаичном
Поэзию и смысл ты находил.
К потерям лучших сыновей своих привычки
Не приобрел великий твой народ.
Он был обескуражен страшной вестью.
Ты был его певцом, его борцом,
Его любовью, совестью и честью.

Алтай — Россия

Всмотритесь в жизнь, в судьбу всмотритесь нашу!
Алтайцы, мы извели сполна
Все беды мира, мы испили чашу
Несчастий человеческих — до дна!

Враги ордой катились за врагами,
Сменялась новой — старая война,
Цветущие долины выгорали,
Но вновь трава вставала — зелена.

И возрождался мой народ из пепла
Наперекор захватчикам, и вновь
Работал, пел, и в испытаньях крепла
Свободы жажда, к родине любовь...

Но — с запада,
И с юга,
И с востока
Враги заполонили все пути,
Железом, окровавленным жестоко,
Решили род алтайский извести.

С востока,
С юга,
С запада — как тучи,
В крови по грудь захватчик желтый шел,
Но ты — ширококрылый и могучий —
Их пересилил, северный орел!

Да! Если бы Россия золотая
Нас не взяла под мощное крыло,

Над мирными народами Алтая
Навеки б солнце ясное зашло!

Все племена отеческого края
Погибли бы и канули во мглу.
Но чутко приживала ветвь Алтая
Россия-мать к бессмертному стволу!

И новый день явился для Алтая,
И мой народ, что ранее редел,
Умножился, расцвел, перетекая
За обжитой отеческий предел.

Алтай родной певца такого явит,
Такой талант, что песнею своей
Державу братства, Родину восславит,
Восславит солнце Ленина над ней,

Восславит жизнь в красе ее и силе,
Чтоб видели народы всей земли, —
Мы вышли в мир, войдя в состав России,
Самих себя навеки обрели!

Каспийский перевал

На отчем перевале — в туман и дождь — весной
с коня смотрю на дали страны моей родной.
Снега, блистая, тая, светло поют вокруг...

Святая жизнь Алтая идет на новый круг...

Кричу и звонким смехом приветствую простор!
Мой голос гулким эхом
летит в теснины гор!

Час вечного кочевья!
Хочу вершить свой бег,
где древние деревья роняют слезы в снег...

На гребне перевала
мой крик — орлиный крик.
Кому ума достало сказать, что сник
Самык?!
Хотите ставить точку?
Ну, нет, еще споем!
Я справлюсь в одиночку,
где вам слабо вдвоем!

Прошла зима бессилья;
я вновь неукротим!

Плащ, распахнись, как крылья!
Скакун — вперед! Летим!

В глубинах гор

Голубых вечеров голубые снега.
Дальней горной гряды голубая дуга.
Как мечты голубые, чисты и легки,
вьются, в небо всходя, голубые дымки.

Как изменчива жизнь
в неизменности гор!
Белый лебедь блеснул и пропал
среди озер,
но лететь, оперяясь,
другим лебедям
к голубым и таинственным
будущим дням...

Только б с прежнею мощью
неслась сквозь века
голубая Катунь, белопенна, звонка!
Только б с прежнею силой
снял надо мной
сосен вечнозеленых
туман голубой...

Осень алтайская

Здесь у пустынных утесов клекочет орел,
осень прозрачна и светел небес ореол...
Тысячи гор сопрягаются,
тают вдали...
Сотни дымов
в вечном звоне восходят с земли...

Реки шумят ледяные...
Кроваво горят
листья деревьев, набросивших поздний наряд...

Вот я лежу,
свои руки крестом разбросав,
слушаю гулы земли и движение трав,
с почвой срастаюсь,
сливаюсь с осенней рекой,
близких созвездий, вселенной
касаюсь рукой...

В свежести рек,
в ощущении близкой зимы,
в час,
когда в горные выси восходят дымы,
чувствуя рядом
земли материнскую грудь,
древних сказаний
опять постигаю я суть.

Слышу сквозь тысячелетия
скрежет мечей,
жалобы,
крики в сиянье кровавых лучей...

И прах тысяч жертв
здесь смешался с горячей золой;
горькая скорбь и доныне
слышна под землей...

Синь поднебесья...

Под звон отлетающих стай
слышу предания предков,
о Матерь-Алтай!

Браконьеры на Алтае

В богоданном Хан-Алтае
Расплодились браконьеры.
Травят зверя, вырубают
Лес — без разума и меры.

Где кедровники шумели,
Там пила визжит ночами.
Драгоценные орешки
На базар везут пудами.

Всю тайгу уже изрыли
В жажде «золотого корня»,
Обирая тех, кто болен, —
Врачевать, мол, не зазорно!

Мумиё копя усердно,
Горы отчие облазив,
Продают дары Алтая
И в Крыму, и на Кавказе.

Челушманская долина
Золотилась облепихой.
Опустела. Браконьеры
С топором гуляли лихо.

Где вы, гордые маралы?
Ваши панты — вам на горе!..
Соболя, сурки и норки
В ужасе забились в норы.

Ненасытны живодеры!
Для чего, кому в угоду
Рубят, травят убивают
Безответную природу?!

Благодатного Алтая
На глазах богатства тают.
Чем столетья мы гордились —
Дети наши не узнают!

Ветер гор

Ночами
С ледников Белухи
Ко мне приходит
Ветер гор.

В мою квартиру городскую,
Распахивая настежь двери,
Приносит свежесть
Ветер гор.

Всю ночь зовет он за собою,
И на кровавом поле боя
Гудит и стонет
Ветер гор.

Над матерью, убитой горем,
И над погибшими сынами
Со мною плачет
Ветер гор.

И меж палаток палестинских
Со мной проходит
Ветер гор.

И с партизанами в атаку
Меня бросает
Ветер гор.

Не шарф мне шею обвивает, —
А ветер гор!

Жизнь и горы

Прямым, в небеса устремленным,
Прожить —
Подобно кедру в горах.

Красиво и чисто,
И честно прожить —
Подобно горным цветам.

Стремительно, весело,
Яростно жить —
Подобно горной реке.
И песню сложить,
И песне служить —
Подобно горным ветрам.

Один падет за сто друзей.
Другой падет за сто рублей.

Тот — словно песня для людей,
И счастлив радостью друзей.
А тот — слепой природы злей
И зверя дикого лютей,
Удача друга — злит его,
А горе — веселит его.

Мы в космосе одной ногой,
В животной косности — другой.
Один умрет за сто друзей,
Другой убьет за сто рублей!

Снежная нежность

Идет снег белый,
легкий снег.
Летит пух лебединый,
он покрывает все и всех
пушистою периной.

Снежинки медленно скользят,
задумчиво, певуче,
и тишину вокруг творят,
и обжигают жгуче.

Коснутся вдруг щеки слегка
и тают, тают, тают,
и нежности, любви река
мне сердце затопляет.

Сегодня люди так чисты,
взволнованы, красивы,
так верят — светлые мечты
их сбудутся счастливо.

Земле к лицу и тишина,
и доброта, и нежность.
И уж, конечно, чистота,
и кипенная снежность.

Пускай пребудет ясным день —
сегодняшний и каждый.
Да не настигнет его тень,
с небес слетев однажды.

Идет снег белый,
легкий снег.

Летит пух лебединый,
он нежностью окутал всех,
разгладил нам морщины.

Вокруг меня — мир

*Г. П.,
хореографу*

Пусть утонул в снегопаде
до крыш,
мил мне мой маленький город!
Скрипом
скользящих стремительных лыж
воздух предгорий
распорот!

Снится весна голубым тополям,
лица студенток румяны.
Солнце,
бродя по небесным полям,
с гор прогоняет туманы.

Сколько знакомых!
Как добр милый край!
Как белоснежна округа!

Сердце,
любовью полно через край,
ищет по улицам друга.

Перевал

Волны вздыбились до неба
и навек окаменели.
И — от каменных подножий —
вдаль раскинулись долины.
Ветер спину выгибает
над кедровым перевалом.
Из глубин времен прошедших,
В глубину времен грядущих,
Низвергаясь зависают
Пролетающие реки!
Нерастроченный, могучий мир предвечного Алтая —
Жив извечно,
Мой — навеки!

Здесь, в дали тысячелетий
Вижу славного батыра —
вигая Козын-Эркеша,
Он стоит на перевале
Рядом с верным аргамаком,
Горы, реки и долины —
Край родимый озирая,
Слезы чистые стекают по щекам его каленым.

Я стою на перевале — сын великого Алтая,
Родиной не налюбуюсь,
Не нарадуюсь простору
Молодой летящей жизни!

И пройдут тысячелетья —
Знаю —
Этот мир не канет,

Не иссякнет, не погаснет.
И на этом перевале,
Из Вселенной возвратившись,
Брат — космический кочевник —
Встанет, дали озирая
Непогасшего Алтая,
Восторгаясь красотой,
Силою родного края.
И слеза любви и мира
По щеке его стечет!

Свет звезд омывает меня

Родился я среди огромных гор.
Отвесного потока
грохотанье
в душе моей не молкнет до сих пор.

Родился я среди огромных гор.
Небесных вечных ледников блистанье
хранит с тех пор
мой озаренный взор.

Родился я среди огромных гор,
Я знаю грозовых небес простор.

Меня среди ночных высоких скал
с рожденья
свет созвездий омывал...

Числом народ мой очень невелик.
Но он — среди огромных гор возник,
учился силе жизни у орла,
как облако, мечта его плыла...

Алтайский мой язык — алмазней звезд;
как дерево волшебное, ветвится,
восходит к небесам, могуч и прост...
Грядущая судьба в горах звенит,
в глазах моих сородичей искрится,
как запах можжевельника, пьянит...

Песнь о неистовом сердце

В пасти черного ущелья —
гулкий топот аргамака.
В черном приступе веселья
засмеялся демон мрака:
хохот грохотом обвала,
эхом в скалах отдается!
Витязь вскачь по тьме провала
в ночь неистово несется...
Демон мечется, хохочет,
демон давится от смеха,
духу смертного пророчит
смерть — мучительное эхо:

— Ты небес не почитаешь,
не страшишься бесов мрака,
ты всему предпочитаешь
острый меч да аргамака,
ты ни в чем не знаешь меры,
страсть твоя неукротима,
ты без кротости и веры
дерзко скачешь мимо, мимо!
Ты силен — но не бесплотен,
ты могуч — но не бессмертен!
Твой скакун — один из сотен —
в споре с ветром — незаметен,
ты бахвалишься геройством,
издеваешься над страхом,
поразмысли с беспокойством,
что в конце — пребудешь прахом!

Над супругой ненаглядной
надругается твой недруг,

мать в доле безотрадной
нищий дом откроет ветру.
Это тягостное бремя
заклучит твой дух в неволю.
Оглядись — еще есть время! —
избери попроще долю...
Звездоглазая супруга
бережет тепло постели,
ждет единственного друга,
что ж ты медлишь? Полетели!
Если в войнах бесконечных
вновь не примешь ты участия —
что случится? В ласках вечных
ждут тебя восторг и счастье!

Ветра черного объятья.
Вечер. Сумрачные скалы.
Духа черного проклятья,
визги, злобные оскалы.
Витязь гордый и ретивый
в ночь коня без звука гонит,
и копье над конской гривой
не шелохнется, не дрогнет.
Пред глазами у героя,
чья душа неукротима,
бронзовые блики боя,
кровь и гибель побратима...
Мчится витязь без молитвы
под-над пропастью, по краю...
Он погибнет в звоне битвы?
Победит он? Я не знаю.

Но живут в его обличье
осиянно и незримо
сердца гордого величье,
дух, чья страсть неукротима.

Яйлю — летние пастбища

1

Скоро
в горы вернусь...
По зеленым ущельям плутая,
скоро вновь поднимусь
на хребты голубого Алтая,
устремлю долгий взор
на безбрежно-туманные дали,
среди солнца и гор
захлебнусь от любви и печали...
Эту ширь впереди
тотчас памятью сердца узнаю,
и стеснится в груди
боль причастности к отчему краю.
Воля сердцу нужна,
чтоб изведать всю силу причастья:
вот народ и страна —
сердцу этого хватит для счастья!
Только б с ветром седым
в сокровенности тайного знания
пел кедров, невредим,
наши древние песни-сказанья,
и ледник среди скал,
в сне-молчании слушая вечность,
над грядою сверкал,
с облаками скользя в бесконечность...

2

Вот и юрты встают
над холодным и свежим потоком.

Пастухи здесь живут
в бытие и простом и высоком.
Здесь же предки мои
скот пасли и охотой кормились,
здесь звенели бои,
когда пращуры с недругом бились.
Поклонялись Земле,
Небу, Кедру, Снегам Перевала,
привозили в седле
рогача — золотого марала.
Воин — горд, светлый взор —
здесь придерживал бег аргмака...
Коновязи узор...
Услыхав, как взывает собака,
брадед мой, бородач,
слушал здесь, предвкушая ловитву¹,
как под осень пантач²
ревом
мир вызывает на битву...

¹ Л о в и т в а — охота.

² П а н т а ч — марал.

В горниле песни

*Алексю Григорьевичу Калкину,
кайчи—певцу и сказителю*

1

Млечный Путь — берега
Ябоганской ночи,
С другом у очага —
мы в анле кайчи.

После трудных наук,
После мнений и книг
Погружается друг
В наш алтайский язык.

2

Боевой тетивою
Загудела струна,
Богатырской волною
Мир вздымая со дна.

Слышу Азини силу —
Бубен яростных бурь!
Вижу Азини милой
Неземную лазурь!

И грохочет, и пляшет
Бронза, золото, сталь!
И клекочет, и плачет
За курганами даль!

Бьется беркут свободы
В небе с беркутом зла,
С добрым духом природы
Бьется желтая мгла,

На долину без края,
За гористый предел
Оперенье роняя
Черной тучею стрел!

То из далей Алтая,
Через ветер и мрак,
Не ко мне ли вызывает
Верный конь аргамак?

И созвездья — стоустым
Хером вечных лугов —
Раскрываются с хрустом
Близ лица моего!..

Кровь моя иссякала —
Забурлила опять!
Сила ниц поникала —
Стала силой опять!

Упираюсь главою
В синезвездный зенит,
И душа тетивою
Боевою звенит!

3

Стою —
Козын-Эркеш алып¹,
Дитя алтайских гор —
Плечо мощнее черных глыб,
Подобен звездам взор.

Непрерываема, вольна,
Светла душа моя.

¹ Легендарный богатырь.

Неиссякаема, сильна
Живая кровь моя.

Где притеснитель бедноты,
Где покоритель стран,
Где схоронился злобный ты,
Звероподобный хан!

Удвоит волю честь моя,
Хоть жги меня, хоть режь,
Утроит силу месть моя!
Стою —
Козын-Эркеш!

Убьют — я воскресаю вновь,
Иду во вражий стан,
От ярости глотая кровь,
Меня встречает хан.

Меня и черный Айбыстан
Напрасно не гневит,
Вослед мне белый Курбустан
С опаскою глядит.

Я знаю —
Девушка живет,
Чей лучезарный вид,
Один лишь вид, меня спасет,
Любовью оживит.

И пусть, в какие бы края
Судьбой не занесло,
Придет к ней весточка моя —
Гусиное крыло!

Вы лили яд в мое вино,
 Обманом бросили на пики,
 Но воскресал я все равно,
 И как народ вставал —
 Столикий.
 Я — сын табунщика, раба,
 Непобедимый сын Алтая,
 Громить врагов — моя судьба,
 Простой народ освобождая.
 Да, был повержен мною хан,
 Хотя владел ордой великой,
 Но, попирая вражий стан,
 Я не старался стать владыкой!
 Освобождать простых людей,
 Крушить неправды мира смело —
 То было дело жизни всей,
 Мое единственное дело!

Жизнь моя иль дорога
 Далека и длинна —
 Перевидел я много,
 И во все времена
 Я в походе,
 В седле я —
 Сын раба, но не раб,
 Стал с веками мудрее,
 Но в боях не ослаб...

Я — работа, природа,
 Я — сказаний язык,
 Я — надежда народа,
 Страх неправых владык!

Под дорогою Млечной,
Под златою луной
Я над Азией вечной —
Вечный ветер ночной!

6

Ярых
Беркутов битвы
Синева растворила,
Стихли
Бубны сражений,
Храп коней боевых...
Над дымком лиственничным
В полумраке аила
Мудрый голос кайчи
Отгремел и затих.

Слово,
Давшее нам сокровенное зрение —
Слово Алтая,
Прорастает, светает,
Сердца окрыля,
Обожженные в яром горниле могуче кая¹,
Мы сильнсе,
Мудрее,
Нам ближе
Родная земля!

¹ К а й — музыкальный инструмент.

Над весенней Катунью

Рассвет над весенней Катунью
недаром
пригоршнями белый туман расплескал:
малиново-красный маральник пожаром
пылает на выступах розовых скал.

Ликиюще звонко звенит моя песня,
вливаясь в живые просторы, где вновь,
как крылья,
возносят меня в поднебесье
любовь к моей милой и к людям любовь!

Не вечно звенеть мелодичному эху.
Когда я умолкну, без слез о былом
меня на крыло положите, а сверху
укройте вторым белоснежным крылом...
Бедь я окружал вас при жизни любовью,
как скалы Катуни, как легкий туман,
как алый маральник...
Невиданной новью
был каждый мой день осиян!

То время — далеко. Не надо печали.
Я жив! Я вершу над Катунью полет!
Волшебными крыльями трогаю дали,
серебряной песней бужу небосвод!
Осколками сердца — рассветные блики.
Над цветом маральника, хвоей сосны
в верховья Катуни, на гордые пики
лечу — зачарованный лебедь весны!

Когда-нибудь...

Когда-нибудь ко мне
Приедешь в гости ты
И выйдешь на берег Катунь.
И там,
В сиреневом багульника цветенье
Чей голос ты услышишь?

Чье шептанье
Почудится тебе в туманной дымке
Над тишиною утренней реки?

Тебе приснятся золотые сны,
Где будут лебеди
Белеть на водной глади
И, растворяясь, уплывать в туман...

Ну разве мало этого —
Быть вместе?
И прислониться к дереву,
И чувствовать, как сердце
Замирает,
И превращаться в музыку,
Глядеть глаза в глаза,
Сливаясь с деревом, с водою и с землей...

Ну разве этого нам мало —
Что мы встретимся?

Мы были похожи...

Мы были похожи с тобою на пару гусей,
что к безвестной звезде стремились,
задыхаясь, глотали воздух осенний,
темноты не боялись.

Нам вслед летели сонных птиц голоса,
тех, что жили на теплых озерах,
птицам сытым, ленивым не взлететь в небеса,
им, бескрылым, покой дорог.

Ночь, бездомная стылая ночь.
Ветер хлещет ее нестихающий.
Прочь от осени, прочь!
Манит высь, беспредельная высь,
блеск звезды
немигающей.

Вот уж слышится скрежет железных когтей.
Настигает добычу сокол.
Помогите же, ветры,
откройте дороги скорей,
простор распахните широкий.
Осветите нам, молнии,
темень ночей!

Что же делать, любимая, что?
Ты устала и вновь
опустилась к себе на озера.
Может, ты и права — я пойму, как никто,
от меня не услышишь укора.

Без тебя, дорогая, отправился в путь,
улетаю к звезде той далекой...
Сквозь бураны и вьюги пробьюсь как-нибудь.
Только мне без тебя одиноко.
Что же делать? Ведь там затаилась беда —
впереди стережет меня сокол,
и мерцает, мерцает призывно звезда —
и заманчивая, и жестокая.
Улетаю.
И это — моя правота —
ты поймешь меня, милая, знаю.

Мы были похожи с тобою на пару гусей...

Работа весны

Львы, разламывая клетки,
Из неволи убегают.
И, асфальт пронзая, травы
Жадно пьют весною солнце.
И оковы ледяные
Реки сбрасывают в море.
И земля свой белый саван
Превращает в пар над нашей...
Все земное оживляя,
Нам весна готовит звонкий
Праздник лета золотого.

Кедр в скале пускает корни,
Обвивая ими камень.
Ледники, струясь ручьями,
Пробивают в скалах русла.
Все стремится к жизни, к свету.
То идет весны работа.

Ночные тополя

Тихий шелест ночных тополей.
Тонкий шепот ночных тополей.
Хмурый шорох ночных тополей.
Робкий ропот ночных тополей.

Плеск. Журчание. Тени в траве.
Лунный блеск в серебристой листве.
Отчего так вздыхает листва?
Всеобъемлющим чувством родства
связан с каждым листком бытия,
с тополями тревожусь и я...

Вспоминаю сверканье гор,
океана слепящий простор,
ржанье-зов аргамаков лихих,
гул-бурление аржанов живых...

Все яснее для сердца теперь
осознание щемящих потерь,
уходящего лета печаль,
даль любви, стран невиданных даль...

Свет-качанье ночных тополей.
Свет-звучанье ночных тополей.
Детский лепет ночных тополей.
Вечный трепет ночных тополей.

Сердцем вижу в деревьях ночных
свет и горечь раздумий моих.

Песней любовь вознесу

Резвый конь по каменистой мели
пересек струю Урсул-реки.
Жарко на меня глаза глядели
из-под узкой девичьей руки.
Медлила ты, зачерпнув водицы
на закате голубого дня...
Заглянув под черные ресницы,
отчего я не сошел с коня?

Бил копытом аргамак могучий,
сеял брызги в дымчатую мглу...
Имя я спросил, и ты певуче
назвалась мне тихо: Ай-сулу...
Голос чистый, как у певчей птицы.
Нежность защемила сердце мне.
Ручейками черными косицы
разбегались по твоей спине.

Был ли, не был, я исчез из виду,
за конем упал туман цветной...
Ты глядела, затаив обиду,
как смыкались сумерки за мной.
С той поры лесами и долами
голубые сны летят, клубясь,
и кукушка, затрещав крылами,
мне поет, присев на коновязь:

— Ты стремился к ликованью битвы,
к яркой славе в пламени войны,
но теперь пусты твои ловитвы,
беспокойством дни твои полны.

Об орлином сердце нет помину,
коль душа печалью пленена...
Жизнь была подобна песне-грому,
жизнь отныне тьмой окружена.
За хребтами, за грядою синей
плачет та, что всех тебе милей,
и мерцают, словно льдистый иней,
жаркие глаза любви твоей.
Молодцы к тебе порою вешней
без толку стучатся в скорбный дом.
Нет от них отбою! — у сердешной
все печали — о тебе одном.
Поспесишь — о счастье возведу я,
а промедлишь — счастье ускользнет! —

так поет крылатая вещунья
с коновязи ночи напролет!

Ночью серебристой, звездной, лунной,
кто там мчится вскачь па скакуне?
На свирели, колдовской и чудной,
кто играет песни при луне?
— Милую крутой тропой оленьей
на святые кряжи унесу!
Над судьбой родов и поколений
страсть свою, как песню, вознесу!

Бог? Великан? Человек?

Вонзился
в панцирь Вечной Гривы¹ снежной
последний луч
исчезнувшего дня:
разбрызгивает свет во мгле безбрежной
как жаркий уголь с искрами огня...

И облака,
в кипящем летнем зное
багряно опалив свои крыла,
к вершинам льнут,
где в голубом покое
их остужает и лелеет мгла.

Я — на звериной тропке перевала,
парящего
в глубоких облаках —
жду к ночи одинокого марала,
старинное ружье держа в руках.
Во мраке гор я выдюжу,
не струшу:
едва возникнет зверь,
как в тот же миг
я погублю его живую душу:
кровь заструится, что святой родник...
Но умница, олень вестисторогий,
издалека учуявший напасть,
неслышно проскользнул другой дорогой,
чтоб под дурную пулю не попасть...

¹ Вечная Грива — название горы.

Взметнув прощально всполохи,
как флаги,
на Вечной Гриве
яркий луч потух,
и облака,
испив целебной влаги,
поджали крылья,
переводят дух.
И вот на горы, водопады, лес,
как беркут,
опустилась тьма небес...

Хребты,
во тьме вздымаясь гордо ввысь,
с небесной близкой бездною слились;
усыпали созвездья небеса,
и россыпями светится роса:
как будто небо в звездном серебре
отражено в нескошенной траве.

Как мой собрат,
прекрасный горный зверь,
всем существом я чувствую теперь,
что слился с миром мой свободный дух
сквозь осязанье, зрение и слух
и главное в нависшей тишине
шестое чувство открывает мне.

Коснусь ли звезд рукой — и наяву
они с шипеньем падают в траву,
сорву ли стебель пучки — и дождем
сок брызнувший осыпет окоем...

Поднявшись,
загляну за перевал:
внизу грохочет время, как обвал...

Я чувствую, как грозно подо мной
качается в пространстве
шар земной...

Какая мощь во мне!
Едва вздохну —
нависший полог неба всколыхну.
Вселенную оглядываю я,
как бы уже за гранью бытия...

Созвездия вершат извечный бег.
Я — бог?
Я — великан?
Я — человек?

Но кто увидел, как я здесь возник?!
Кто мне ответит
в этот звездный миг?!

Люблю людей

Люблю людей...
Чем старше становлюсь,
тем больше
этой нежности дивлюсь.
Я на чужбине и в родном краю
в прохожем каждом
друга узнаю...

Достатка мне
не принесло перо!
Да были б совесть,
нежность и добро!
Да был бы человек,
мой друг и брат,
перед которым
прав и виноват...

Иду ли вверх?
Но — дружбы посреди.
Живу в тени?
Но — с песнями в груди!

Лазарю Кокышеву

Ты от нас далеко,
К дальним звездам ушел,
Друг,
Теперь
Без тебя
Манжерокский маральник,
Сирень Улалы,
Прикатунские яблони
Будут цвести...
Без тебя загораться семинским жаркам...
Но
Цветущая, вечная
Песня твоя молодая
В каждом сердце останется вечно цвести —
Не старея и не увядая...

В муках немоты

Слова задыхаются
в горле.
Глотаю,
глотаю,
глотаю —
не те.

Где те, что сердца зажигают,
где слово-экстаз:
сказал — раз —
перевернул
душу?
Бесплодный рот разеваю —
пусто,
душно...

Вдали судороги землетрясений —
слышу —
из глубин вселенского духа,
вздымаясь хребтом горным,
рокоча глухо,
встает и ломается
слово.
Встает и ломается
снова.

В пещеры пустынные
в час прилива
вливается океан —
это силы прилив глубинной —

не мираж, не обман,
силы,
растягивающей, как пружину,
жилы.

Сижу обалделый, исступленный;
в постели —
как на земле раскаленной.
Что со мной —
знаю, знаю...

От мук немоты
умираю.

Лунной ночью на весенней Катуни

Люди! Я бы весной,
в новолунье,
как черемухи цвет
над Катунию,
свою душу раскрыл бы пред вами
и просыпался лепестками.

Белопенная легкая радость,
грусти тихой
и горечь, и сладость...

Я сказал бы заветное слово,
что душа моя
вечно готова
к вашим душам приникнуть
в час горя,
что с любую бедою поспорю, —
жизнь прекрасна, но очень сурова.

О какой аромат, ласка, нега!
И багульник расцвел
среди снега
В нем души моей верной
дыханье...

Ледники льют ночное
сиянье,
веет свежестью с горных вершин.
В них мелодия верной души!

Чудеса вам приснятся
сегодня,
как детишкам под ночь новогоднюю.
Я с улыбкой склоняюсь
над вами
и шепчу вам одними губами:
«Солнценосного счастья желаю».

И черемухой всех осыпаю.

Прощание с Приморьем

Прощай, чудесный незабвенный край, Приморье,
волшебный край, тебе мое почтение!
Таежное таинственное лукоморье,
в путь добрый дай ты мне свое благословенье.

Ведь ухожу я в неоглядные просторы,
чтоб следовать судьбы своей предначертаньям.
Твои мне будут сниться голубые горы,
тайги угрюмый шум и моря колыханье.

Живя здесь, у тебя, я повидал немало,
лизал прибой меня, как щепку, белопенный,
и море в колыбели колдовской качало,
и оглушал разбойный вой ветров вселенной.

Вид моря восхищенье вызывал и трепет,
мне звезды в небе — собеседницами стали,
я слушал волн зеленых первозданный лепет,
о вечности они загадочно шептали.

Да, да шептали: человек — он сильный, гордый,
бессмысленно считать его песчинкой малой,
в поступках, помыслах быть нужно чистым, твердым...
Светился космос светом небывалым...

Пусть здравствует, Приморье, твой народ бесстрашный,
пусть моря песнь гудит в долинах и нагорьях,
пусть ее мудрость поселится в сердце нашем.
Прощай, волшебная окраина, Приморье!

цветов отцветших легкий нух
и сладостный, густой, необычайный,
нежнейший аромат лесной малины...

Мы слышим крик далекий журавлиный.
А там встает кедровника стена
с се загадочным тугим гуденьем,
мерещатся вдали стада олени,
над ними звезды и луна...

* * *

Так хочется батыром стать,
взнуздать горячего коня —
и вскачь, подковами гремя,
и во всю мощь орать, орать,
чтоб выход буйной силе дать,
чтоб знали — едет молодец
(под ним свирепый жеребец),
он сросся намертво с конем —
и как стрела — за окоем.

Едва заслышит ребяшня
глухое цоканье коня,
она не усидит в домах,
облепит все заборы — ах!

Сердца трепещут у детей
при виде взмыленных коней.
Веселый праздник у ребят,
глаза таращат и галдят.

Жизнь наша — что простор степной,
а сердцу чужд тупой покой,
несется в нетерпенье так,
как может только аргамак.

Людская жизнь проходит вмиг —
я эту истину постиг.
Потухнет сердце, отгорит,
и все, что было, отболит.

Но вечны внешние поля,
равнины, горы — вся земля,
как вечны ветер, дождь и снег,
плач человеческий и смех...

Жизнь устремляется вперед,
кто остановит, кто прервет?
Полна живительным огнем.
Сравнить хочу ее с конем.

Чолушмания

Лирические зарисовки

Каран, приятель стародавний,
как здорово, что ты меня
на волю вытащил из дома
и в Чолушманию привез —
таинственную горную страну.

Тут, в Балыкче,
Крыму алтайском,
картошка, весом в два кило,
молочных поросят напоминает.
тут проживает тетушка моя —
Туянина Мария —

прекрасный, ясный человек.

А яблоки в ее саду,
как шарики на новогодней елке —
дотронуся, лопнут,
соком изойдут.

Сад — пиршество для глаз —
поѣшь от радости, от счастья.
Сад — пиршество для уст —
так сладостны его плоды.

* * *

Здесь облик у всех
благороден на диво,
духовности светом
все люди полны.

Потомки они
 знаменитых телé¹ —
язык и характер
 у них переняли.

Их говор псвучий
 и мягок, и ладен.
И слово в устах
 первозданно звучит —
как было на камне
 начертано древнем.
Куда знатоки
 языка подевались?
Должны мы язык
 изучать и хранить.
Алтай напился
 историей древней,
времен незапамятных
 сизою мглой —
и тайны курганов —
 могильные тайны,
и облик людей,
 и характеры их,
и слово багатырских времен Пазырыка².

На сказку похожий,
 нам дед Сугунушев
Шкатулку открыл —
 в ней преданий не счесть,

¹ Тел е — древний народ тюркского происхождения. От них на Алтае пошел род телес и род теленгит.

² П а з ы р ы к с к и е к у р г а н ы — в долине Пазырык на Алтае (5—6 вв. до н. э.). Знаменитые погребения, в которых сохранились изделия и предметы домашнего обихода, мумифицированные тела людей и животных.

и сказок волшебных,
легенд стародавних —
да мало ли что
в той шкатулочке есть.

Язык теленгитский
нам сказку поведал
о доле сиротской,
скитаниях долиных
мальчишки, который
нашел средь долины
чудесную юрту:
из дерева ловко
тот домик сработан...
В межгорье Кек-Баше,
в укромной долине
изящны, красивы
стоят эти юрты,
их десять по счету.
Нигде на Алтае
подобных не встретить —
работа искусных
народных умельцев.

* * *

Низвергнувшись с кручи в долину,
Башкаус течет с Чолушманом,
сливаясь в потоке едином,
окутанный дымкой туманной.
А место слияния речек
самыком зовут здесь, в двуречье.

На той стороне Чолушмана
в тумане скала серебрится,
живучи о ней небылицы —
и сладость, и горечь обмана.

Считают, раз камень сорвался —
быть горю — такая примета,
которая значит, что где-то
в тот миг кто-то с жизнью расстался.

Земля наша тайны глубокой
от века полна и донине,
ее стерегут гор твердыни,
храня эти тайны до срока.

Обилье растений пахучих
и трав, и камней разноцветных —
что этого края есть лучше,
красивей, привольней, приметней?

* * *

Каран, приятель стародавний,
ты, верно, помнишь, как спешили
с тобою мы в столь милый сердцу
Кек-Баш на грузовой машине?

О золотые сны былого!
Я никогда не пробуждаюсь,
во мне живете постоянно,
чудесной осени картины:
деревьев добрый сонный говор,
волны зеленой воркованье
и тишины звенящей сладость.
Беседы тихие за чаем
меж девушками в длинных платьях,
чуть старомодных, живописных...

И эта красота девичья,
и небо сине-голубое,
и солнце, что легло на скалы,
как будто очень утомилось.

Все-все рождало во мне песню...

Небо осеннее, красок разлив,
Чолушман старый, как прежде, красив...
Девушка стройная с чашей в руке.
Скалы отвесные чуть вдалеке.
Средь очарованных сказкою гор
желто-багряный расстелен ковер,
а на него отдохнуть прилегли
девы-волшебницы — духи земли...

К нам долетает из глуби времен
сказка о жизни, о битвах племен.
Этой земли молчаливый гранит
много былин и сказаний хранит.

В недрах курганов алтайской земли
воины спят, что здесь битвы вели.
Рядом покоится тот исполин,
что к нам приходит из давних былин.

Свято хранимый, родной Чолушман,
ты нам в наследье великое дан.
Мы, Чолушмания, будем беречь
облик твой древний и тюркскую речь.
Гордой пребудь ты во веки веков,
да не узнать тебе ярость врагов!
Благословляю искусный народ,
тот, что под небом алтайским живет!
Благословляю тебя, Чолушман,
родина наша и наш талисман!

Где-то далеко...

Там, вдали,
где вслед за темной тучей
в небеса вздымается тропа,
прислонясь спиной к скале могучей,
спит село по имени Каспа.

Сквозь ночные звездные просторы
на свиданье с ним моя душа
вдруг летит через кедрач и горы,
сетуя, горя и спеша.

Мой отец давно уже недужен.
Мой отец, не по годам седой,
на войне снарядом был контужен,
покалечен был взрывной волной.

Мать с отцом пекутся друг о друге,
но сегодня, в смутной тишине,
позабыв о тягостном недуге,
снова вспоминают обо мне...

Я же, в дождь рассказывая сыну
сказку — сам давно уже отец, —
сердцем вижу скорбную картину,
ощущаю зовы их сердец.

Содержание

I

Каспа—родное селение. <i>Перевод Т. Глушковой</i>	3
Песне подобная родина. <i>Перевод Т. Глушковой</i>	5
Молодому другу. <i>Перевод Т. Глушковой</i>	7
Вопросы летней ночью. <i>Перевод Т. Глушковой</i>	9
Красная площадь. <i>Перевод Т. Глушковой</i>	11
Ленинград. Марсово поле. <i>Перевод В. Хатюшина</i>	12
Баллада о ветре. <i>Перевод Т. Глушковой</i>	14
Прощание с Баку. <i>Перевод В. Хатюшина</i>	16
«Я был тогда...» <i>Перевод Т. Глушковой</i>	17
Страна Алтайстан. <i>Перевод В. Хатюшина</i>	18
Слит с телом Алтая. <i>Перевод В. Хатюшина</i>	19
Слушая Курмангазы... <i>Перевод Л. Осиповой</i>	21
Древние турки. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	23
Родные нагорья. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	25
Алтайская ночь. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	28
Жить! <i>Перевод Р. Бухараева</i>	29
Заветное желание. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	30
Вольная птица любви. <i>Перевод Т. Глушковой</i>	32
Дети гор на улицах города. <i>Перевод В. Хатюшина</i>	34
Сыну Эркину—заветное слово. <i>Перевод Л. Осиповой</i>	35
Ответ на жалобу. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	36
Памяти Василия Шукшина. <i>Перевод Л. Осиповой</i>	37
«В тот день мы хоронили Шукшина...» <i>Перевод В. Завадского</i>	39
Алтай — Россия. <i>Перевод А. Плитченко</i>	41
Каспийский перевал. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	43
В глубинах гор. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	44
Осень алтайская. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	45
Браконьеры на Алтае. <i>Перевод В. Хатюшина</i>	47
Ветер гор. <i>Перевод В. Хатюшина</i>	49

II

Жизнь и горы. <i>Перевод А. Плитченко</i>	50
«Один падет за сто друзей...» <i>Перевод А. Плитченко</i>	51

Снежная нежность. Перевод Л. Осиповой . . .	52
Вокруг меня — мир. Перевод Р. Бухариева . . .	54
Перевал. Перевод А. Плитченко	55
Свет звезд омывает меня. Перевод Р. Бухариева	57
Песнь о неистовом сердце. Перевод Р. Бухариева	58
Яйлю — летние пастбища. Перевод Р. Бухариева	61
В горниле песни. Перевод А. Плитченко	62
Над весенней Катунью. Перевод Р. Бухариева . . .	67
Когда-нибудь... Перевод В. Хатюшина	68
Мы были похожи... Перевод Л. Осиповой	69
Работа весны. Перевод В. Хатюшина	71
Ночные тополя. Перевод Р. Бухариева	72
Песней любовь вознесу. Перевод Р. Бухариева	73
Бог? Великан? Человек? Перевод Р. Бухариева	75
Люблю людей. Перевод Р. Бухариева	78
«Ты от нас далеко...» Перевод А. Плитченко . . .	79
В муках немоты. Перевод Л. Осиповой	80
Лунной ночью на весенней Катуни. Перевод Л. Осиповой	82
Прощание с Приморьем. Перевод Л. Осиповой . .	84
Кони. Перевод Л. Осиповой	85
Чолушмания. Лирические зарисовки. Перевод Л. Осиповой	88
Где-то далеко... Перевод Р. Бухариева	93

ПАСЛЕЙ САМЫК
(Василий Тордоевич Самыков)
ВЕТЕР ВЕРШИН
Стихи

Редактор Г. Иванов, С. Агальцов
Художник О. Асанова
Художественный редактор А. Дианов
Технический редактор Н. Ганина
Корректоры Г. Селецкая, Л. Федосеева

ИБ № 4400

Сдано в набор 26.01.87. Подписано к печати
11.05.87. Формат изд. 70х90¹/₃₂. Гарнит. литер.
Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л.
3,51. Усл. кр.-отт. 4,10. Уч.-изд. л. 3,12. Тираж
6000 экз. Заказ 413. Цена 35 коп.

Издательство «Советский писатель» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли Союза писателей

127

моск., 62

3 обл.

0/12
9.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

3 ТМО Т. 1 млн. З. 2146—85

Паслей Самык (Самыков Василий Тордеевич) родился в 1938 году в селе Каспа Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области. Окончил педагогический институт. Автор многих книг стихов на алтайском и на русском языках. Член Союза писателей СССР.

Живет в г. Горно-Алтайске.